

с мелкими феодалами. Распадение же волости в результате расхищения и захвата ее земель, а также попадание определенных групп волостян в имущественную или личную зависимость от соседних феодалов подрывали устои волостного крестьянского мира, лишали волостных богачей их основной опоры, а следовательно, закрывали пути для обуржуазивания крестьянства в целом, что и произошло в центральных районах Северо-Восточной Руси в XVI в., во время и после обличия Ивана Грозного, когда процесс поглощения черных волостных земель известным землевладением достиг здесь своего подлинного апогея. Черноземный крестьянский Север, хотя на его плечи и легла основная тяжесть растущего государственного налогового пресса (здесь именно Новгород спасло страну от полного хозяйственного краха в последние годы Ливонской войны), избежал этой печальной участи, и в этом одна из главных причин его еще длительного экономического преуспеяния.

И только в середине XVII в., когда в России начинается новый экономический подъем, когда появляются первые мануфактуры, когда, наконец, экономические центры страны по мере освоения, с одной стороны, волжско-донских и приднепровских черноземов, а с другой — создания нового Уральско-Камского промышленного района все более перемещаются к югу и юго-востоку, а северные монастыри, активно поддерживаемые правительством, как и само феодальное государство, начинают новое, еще более широкое наступление на черноземный Север, тогда самым лишился черные волости их бывших привилегий и старых земельных свобод. Двинская земля постепенно утрачивает свое прежнее экономическое значение для страны, начинается упадок. А вскоре, после успешных войн Петра I и выхода России на Балтику, эта же участь постигла и для всего северного «великого» заморского торгового пути. Его бывшее экономическое значение для России ушло в прошлое. Но это уже XVIII век.

И. А. ВЛАЗКОВ

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ О РУССКО-ПРИБАЛТИЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ КОНЦА XV—НАЧАЛА XVI в.

История русско-прибалтийской торговли XII—первой половины XVI в. (до перехода Прибалтики под власть Швеции и Польши) имеет свое отражение и многочисленные и разнообразные источники. Среди них находятся русско-немецкие торговые договоры, освещающие различные стороны торговли (уловия проезда и торговли вунцов, правовое положение их на

чужбине, юрисдикцию сторон и т. д.), русско-ливонские договоры, в которых в числе вопросов межгосударственных отношений рассматриваются и вопросы торговли, речессы ганзейских съездов и ливонских ландтагов, фиксированные обсуждения и решения по пунктам, касающимся торговли, делопроизводительные материалы ганзейских городов, отражающие ассортимент товаров, размеры пошлин, количество кораблей и их грузов и т. д.

Наиболее многочисленную и, пожалуй, наиболее богатую по содержанию группу источников о русско-прибалтийской торговле составляют переписки ганзейских и ливонских городов. Переписка эта, включающая как переписку ратов городов между собой, так и переписку их с Ливонским орденом и представителями власти других государств, касается преимущественно частных случаев торговли, во повседневной практике; но в них находят свое выражение общие закономерности развития торговых отношений, поэтому изучение переписки прибалтийских городов дает важный материал для постановки и исследования кардинальных вопросов русско-прибалтийской торговли.

Переписка прибалтийских городов привлекалась не в одинаковой мере для изучения различных периодов русско-прибалтийской торговли. Если для периода до закрытия ганзейского двора в Новгороде в 1494 г. она использовалась интенсивно, то для последующего времени она остается до сих пор почти неиспользованной и неиспользуемой. Переписка прибалтийских городов конца XV—начала XVI в. использована по существу лишь в одной работе Р. Кентманн.¹ Но поскольку в центре внимания Р. Кентманн находится изучение дипломатической истории русско-ливонско-литовских отношений, постольку исследование вопросов русско-прибалтийской торговли занимает в ней видное положение и источники используются часто без детального анализа. Сказанное относится, в частности, к переписке Ревели с наместником Выборга Эрихом Турееном, датированной 1501—1503 гг. Эту переписку Р. Кентманн привлекает лишь для общей характеристики запрещенной в связи с русско-ливонской войной 1501—1503 гг. торговли ганзейских городов с Ревелем, совершившейся при посредстве Выборга.² А между тем содержание переписки показывает, что в ней имеются ценные данные, важные для изучения общих вопросов русско-прибалтийской торговли конца XV—начала XVI в. Анализ переписки и введение в научный оборот ее данных и имеет своей целью настоящая статья.

Переписка Ревели с наместником Выборга, относящаяся ко второй половине 1501 г.—первой половине 1503 г. (2. с. 140 пре-

¹ R. Kuntmann. Livland im russisch-litauischen Konflikt. Die Grundlegung seiner Neutralitätspolitik. Royal, 1930.

² Там же, стр. 43—44.

мени русско-ливонской войны), включает три письма Ревеля Эриху Турессону³ и шесть писем Эриха Турессона Ревелю;⁴ к ним примыкают по кругу затрагиваемых вопросов донесение морских стражников ливонскому магистру от 14 октября 1501 г. и показания карел о конфискованных у них стражниками товарах от 29 мая 1502 г.⁵ Возникновение переноски было связано с запретом на торговлю с Россией, введенным в связи с войной 1501—1503 гг. Ганзейским союзом и ливонскими ландесгеррами. Магистр и ганзейские города склонны были действие запрета на торговлю с русскими распространить и на Выборг; магистр Выборга защищал право подвластного ему населения вести торговлю с русскими.

Начинается переноска с письма Эриха Турессона Ревелю от 22 сентября 1501 г., в котором тот с негодованием пишет, что морские стражники, вызванные по приказу магистра из Ревеля против русских, в водах шведского кароли захватили шесть судов крестьян на подвластной магистру Выборга области (шве *buren 6 schepre*); некоторых крестьян они убили, а остальных вместе с судами и товарами доставили в Ревель на том основании, что крестьяне вели запрещенную торговлю с русскими. Выразив категорический протест против поведения ливонских стражников, Эрих Турессон требует освобождения крестьян и возвращения им судов и товаров.⁶ Тут же лилод венедиктов и в донесении морских ливонских стражников магистру от 14 октября 1501 г. По словам стражников, у Невы они палочкушили на карел с их судами, которые несли русским соль и другие необходимые товары; карелы сказали, что соль они получили от бюргеров и жителей Ревеля. Поскольку карелы были захвачены во вражеских водах и стране, постольку стражники не сомневаются в правильности своего поступка и выражают негодование поведением рата Ревеля, не позволяющего им разделить соль и другие товары и качество добычи.⁷ Но хотя рат Ревеля не желал осложнить отношений с магистром Выборга, не стал на сторону стражников, тем не менее с удовлетворением требованию Эриха Турессона он тоже не спешил. Дело о захваченных карельских крестьянах и их товарах затянулось. 22 мая 1502 г. карелы в присутствии представителей Выборга дали следующие показания: Пирелл показал, что он купил у Ганса Эхольта 4 яста соли с тем, чтобы доставить соль в Россию; Михел Карелле купил 2 яста и один мешок соли у того же Ганса Эхольта; Симмен Карелле — 1 яст соли у Мартена Бокелмана; Ганс Сейсен — 3 яста соли у Ротгера;

³ Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch, 2te Abteilung (далее: I.U.B., 2), Bd. II. Riga, Moskau, 1905, №№ 186, 380, 480.

⁴ Там же, №№ 178, 207, 327, 380, 444, 477.

⁵ Там же, №№ 182, 296.

⁶ Там же, № 178.

⁷ Там же, № 182.

двое других карел, Ганс Эрнсен Поппе и Ладфрикс Симмен Поппе, показали, что убытки каждого из них составляют по 5 марок. Таким образом, общий убыток шести карельских крестьян равнялся 10 ластам и 4 мешку соли и 10 маркам.⁸ Указанное количество соли и денег рат Ревеля собирались возмратить карельским крестьянам.⁹

На протяжении всего конфликта Эрих Турссон энергично протестовал против репрессий, отстаивая право шведских подданных на торговлю с русскими. Для поставленных нами целей интересны два его письма. В письме от 8 декабря 1501 г. Эрих Турссон, выражая свое негодование репрессиями по отношению к шведским подданным, указывает, что в то время, когда шведы воевали с русскими и жили Нарвской замком,¹⁰ никто из нас (шведов, — *Н. К.*) нашим (лишовецким, — *Н. К.*) бюргерам или купцам или крестьянам не чинил препятствий в их торговле с русскими.¹¹ Эрих Турссон считает, что лишовецкие власти также должны поступать и в отношении подданных шведской короны, и подчеркивает далее, что «если крестьянам» (из области, под властью наместнику Выборга, — *Н. К.*) он не может запретить торговлю с русскими.¹² В другом письме, датированном 4 апреля 1503 г., касаясь поставленных обвинений со стороны Ревеля в том, что при посредстве жителей Выборга ведется торговля с русскими и отвечает, в частности, на упрек, что за последние два года соли привезено в Выборг такое количество, какое достаточно для удовлетворения его потребностей в течение 3—4 лет,¹³ Эрих Турссон пишет рату Ревеля следующее: «Также русские благодаря мне и шаборгским бюргерам не так поноздети, как думает наше стеноветно. Я могу засвидетельствовать своей корабельной книгой, что сюда в Выборг прошлым летом прибывало не больше 200 ластов соли; можем ли мы его снабдить два замка, область и остр. Россию, — это и состоятны поинте все разумные люди. Напротив, я могу засвидетельствовать, что наши знатнейшие и сограждане свыше 2 тыс. ластов соли с вином и другими товарами на Цеву к русским послали. Я могу также засвидетельствовать другое: один бургомистр города Ревеля по имени Йоганн Куллерт купил у шаборгцев прошлым летом, вопреки вашему строгому запрету, пороху, который на Россию и Цеву привезена; он хочет сказать и Ревеле, что он купил ее для нужд церкви и

⁸ Там же, № 286.

⁹ Там же, № 327 (письмо Эриха Турссона Ревелю от 4 июля 1502 г.).

¹⁰ Известен в виду русско-шведской войны 1495—1497 гг. и взятие шведом Ивангорода в 1496 г.

¹¹ ... was dar niemant van ons, de juwe borger offte konninc edder buer vordel dede in oer neryuge myt den Russen, I.O.B., 2, Bd. 11, N 207, S. 143.

¹² ... daromme can tek myn bueren niche verhoden er neringe mit den Russen, I.O.B., 2, Bd. 11, N 207, S. 143.

¹³ Наринини соль, по мнению раты Ревеля, на Выборга отправлялась в Россию.

часовни, но он мог бы для этого с таким же успехом купить ворвань, которая происходит из Выборга, и не русскую ворвань... Если бы ревелские бюргеры не торговали бы с русскими пошедневно во время мира и войны, когда Швеция враждовала с русскими, то были бы ревелцы немногим толще, чем выборгцы. И весь источник нашего существования мы имеем от русских. Почему же наше государство хочет от подданных шведской короны отнять то, что мы сами пошедневно делаем? Это зрелище великой несправедливости.¹⁴

Перенеска Ревеля с наместником Выборга 1501—1503 гг. интересна уже потому, что она ярко показывает, какой интенсивный характер сохранила во время войны и торговых запретов торговля ливонских городов с Россией. В этом плане заслуживает внимания названный Эриком Турсеоном цифра экспорта соли из Ревеля в Россию в 1502 г. — 2000 ластов (ласт = 125 пудам). Хотя возможно, что эта цифра несколько преувеличена (Эрих Турсеон, отмечая на упреки Ревеля и том, что через Выборг ввозится соль в Россию, мог с целью контрпропаганды завысить количество соли, направляемое из Ревеля русским на Пелу), но если принять во внимание, с одной стороны, что во второй четверти XV в. экспорти в Ревель из Западной Европы составлял в среднем около 2400 ластов в год, а в 40—50-х годах XVI в. — около 7200 ластов¹⁵ и

¹⁴ Ik sul de lussen van my oder den Wiborgschen burger nicht so vet geworden, mae jwe ersamheit dencket. Ik kanl myt myn schepstock betugen, dat hyr nicht to Wyborch is gekomen in dem vergangene sommer nicht boven 2 hundred last soltes, kunde wy darmede dusse 2 slote und land und darmede Ruslant buspisen dat komen alle wyse mans wol merken. Dar tegen kan ik betugen, de jwe de uppersten und medelborgere hebben boven 2 duzent last soltes myt win und ander toech in de Rugen oppe de Russen gesant. Dat ander wil ik betugen: eyn bormeister der stad Revele by namen het Johan Kuffert heff van den Wybochsen gekoft in dusset vergangene sommer howen juwer slacke verhol van deme sulven traue, de ut Ruslant und Rugen was gebracht; to Revele wil he seggen, dat he ene kofte to kerke idder kapelle hehol, so mochte he so gerne van uttome traue dar to gekoft hebben, de hyr under Wiborch gevallen is und nicht van dem Russchen traue... Hadden de Reveleschen borgere nicht met myt den Russen gekopslagel of dage in triden und vorden, — do Swedenrik vendele myt den Russen, se waren nicht vele vetter to Revele, wen de Wyborgschen. Und alle jw nerrige hebbe gi gehat van den Russen. Warumme wil jwe ersamheit dat der krone van Swedens in derselven dat bonemen, dat gi sulvest al jwe dage gedaen hebben. Dat is tegen alle recht. — L. B., 2, Bd. II, N 477, SS. 382—383.

¹⁵ Размер среднего ежегодного экспорта соли из Ревеля во второй четверти XV в. определен нами на основе таблицы ее ежегодного импорта, составленной К. Г. Зарем для этого периода, для 40—50-х годов XVI в. — на основе таблицы, составленной Г. Миккитца (К. H. S a s s, Der Hanseische Einfuhrhandel in Beval um 1430. Mahrburg—Lahn, 1955, S. 8; G. M i k k i t z, Aus Bevaler Handelsbüchern. Zur Technik des Ostseehandels in der ersten Hälfte des XVI Jahrhunderts. — Societas scientiarum Fennica, Commentationes humanitarum litterarum, I, IX, N 8. Helsingfors, 1908, S. 47). Мы используем таблицы К. Г. Зарем и Г. Миккитца, так как интересующие нас данные для начала XVI в. в литературе отсутствуют.

что большая часть ввозимой в Ревель соли поступала далее в Россию,¹⁶ а с другой стороны, если учесть, что во время войны 1501—1503 гг. ввоз соли в Россию через территорию Ливонии был исключен и что контрабандный привоз ее на Ревель по Финскому заливу был для ливонского купечества единственно возможным, то цифру, названную Турссоном, следует признать близкой к истине. Для характеристики интенсивности торговых сношений между Ревелем и Россией во время русско-ливонской войны 1501—1503 гг. показателем и тот факт, что и запрещенной торговле, согласно данным писем Эрика Турссона, участвовали не только ридовые бюргеры Ревели, но и члены его рата. Данные переписки Ревеля с наместником Выборга 1501—1503 гг. наглядно свидетельствуют о том, что экономические потребности ливонских городов, особенно заинтересованных в торговле с Россией, брали верх над соображениями политическими и что, несмотря на условия военного времени, торговля Ревеля с Россией продолжалась в довольно значительном объеме.

Другой важный материал, который содержится в изучаемой нами переписке и который до сих пор не привлекал внимания исследователей, касается вопроса о социальных слоях, участвовавших в русско-прибалтийской торговле. В литературе широко распространено мнение, что участниками торговли были с русской стороны купцы Новгорода и Пскова, с западной — немецкое купечество германских и ливонских городов, и также в силу специфической роли Выборга его шведское по национальности бюргерство.¹⁷ В исследованных последних лет в эту традиционную точку зрения внесены существенные коррективы.

В. Никтеман в книге о торговле ливонских городов привел интересный материал, свидетельствующий об участии в русско-прибалтийской торговле не только купечества ливонских городов, но и ливонских феодалов и крестьян.¹⁸ Касаясь специально вопроса об участии в русско-ливонской торговле ливонских крестьян, В. Никтеман рассматривает его как давнюю традицию, начало которой следует относить еще к языческому времени. Однако приводимые им известия источников о торговле ливонских крестьян с русскими относятся к XVI в. Наиболее ранним из них является расцоружение ливонского магистрата от 7 мая 1532 г. о запрете крестьянам торговать с Россией, подавленное в ответ на жалобы рата Нарва о том, что вириандские крестьяне ведут активную торговлю с Ивангородом, а также с дру-

¹⁶ А. Л. Хоронкевич, Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках, М., 1963, стр. 255.

¹⁷ Мы говорим о непосредственных участниках торговли, а не о поставщиках товаров.

¹⁸ V. Niekemän, Der Binnenhandel id der Politik der livländischen Städte im Mittelalter, Helsinki, 1952.

гимии областями России.¹⁹ Рассмотренное нами письмо Эриха Турссона Ревелею от 8 февраля 1501 г., в котором речь идет о торговле ливонских бюргеров, купцов и крестьян с русскими во время русско-шведской войны 1495—1497 гг., позволяет зафиксированные источниками факты участия ливонских крестьян в русско-ливонской торговле отодвинуть на конец XV в. Нам кажется, что отсутствие в более ранних источниках известий о торговле крестьян Ливонии с русскими свидетельствует о том, что если эта торговля, как полагает В. Нинтманн, и имела место, то она была очень незначительной, и лишь к концу XV в. в связи, очевидно, с развитием товарно-денежных отношений в ливонской деревне удаленный лес ее возрос настолько, что она получила отражение в источниках. Какой характер носила эта торговля, источники прямо не говорят. Надо думать, что она была мелкой, розничной. По-видимому, русские купцы-розничники продавали ливонским крестьянам изделия русского ремесла, покупали у них продукты сельского хозяйства.²⁰

Переписка Эриха Турссона с Ревелем содержит интересный материал, освещающий участие в русско-прибалтийской торговле и карельских крестьян. В эпизоде, затронутым в переписке и связанных с ним документах, карельские крестьяне выступают в качестве посредников, закупавших соль в Ревеле и продававших ее русским на Неве. Карельские крестьяне, занимавшиеся посреднической солью торговлей, располагали собственными транспортными средствами: источники сообщают, что ливонские морские строкотники захватили карел с их судами. Суды, принадлежавшие карельским крестьянам, названы термином «schulex».²¹ Этим термином обозначались мелкие суда, приспособленные для плаванья вдоль берегов Балтийского моря.²² Размеры торговли, которую вели карельские крестьяне, были не особенно велики: как уже отмечено, один из карел закупил в Ревеле для продажи русским $\frac{1}{4}$ ласта соли, другой — 2 ласта и 1 мешок, третий — 1 ласт, чет-

¹⁹ Там же, стр. 222—224; Akten und Veresse der livländischen Ständetage, Bd. III, Riga, 1909, № 305. В. Нинтманн ссылается также на письмо фогта Пейтшюсса рату Ревеля от 4 марта 1504 г., но в письме речь идет о торговле с русскими ревельских купцов, т. е., очевидно, жителей Ревеля, а купцы не крестьян (см.: LHB, 2, Bd. II, № 625).

²⁰ Русские купцы, торговавшие в Ливонии, делились на две категории: купцов-оптовиков, привозивших в Ливонию для дальнейшего транзита товары русского экспорта на Запад (меха, воск, порох и т. д.), и купцов-розничников, ведущих торговлю с местным населением; в списках товаров последних, относящихся к 30—40-м годам XVI в., указаны изделия русского ремесла — мило, рукавицы, холсты, кося, топоры и т. д. (И. Клейн и др. в сб. Из истории русского торгового двора в Tallinn в XV—XVI вв. Изв. АН ЭССР, серия общ. наук, 1962, стр. 255—256; Русские акты Ревельского городского архива. РИВ, т. XV, № 35).

²¹ LHB, 2, Bd. II, № 182.

²² A. Laesch u. C. Dorchling. Mitteleuroländisches Handwörterbuch, Bd. III, Lieferung 14. Neumünster, 1961, S. 165.

пертыя — 3 ласта.²³ Но несмотря на относительно небольшой объем торговых операций карельских крестьян, эти операции свидетельствуют о выделении из среды карельского крестьянства прослойки, располагавшей определенными средствами для самостоятельной торговли, но не отделившейся в то же время от крестьянского сословия. Можно думать, что это была прослойка крестьян, аналогичная по своему положению и системе социально-экономических отношений тому, какое занимали в России XVI—XVII вв. русские торговые крестьяне.²⁴

Очевидно, в карельской и финской деревнях процесс разложения крестьянского хозяйства протекал в одном и том же направлении и обусловил к концу XV — началу XVI в. участие крестьян в русско-прибалтийской торговле в таких размерах, что это нашло отражение в источниках. Среди них одно из первых мест по ценности материалов, освещающих затронутый нами вопрос, занимает переписка Ревеля с наместником Выборга 1501—1503 гг.²⁵

²³ См. стр. 271—272.

²⁴ А. Л. Хорошкевич, отмечая рассмотренные нами факты участия карел в внешней торговле, говорит о «карельском купечестве» (Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв., стр. 254—255). Нам кажется, что А. Л. Хорошкевич употребляет этот термин потому, что она и содержит лишь один документ — посылание карел в константинополь у двух торговых от 22 мая 1502 г., где социальная принадлежность карел не разбирается (см. стр. 271—272). Письма же Эриха Туресона, в которых карелы неизменно называются «крестьянами» — *huteri* (см. стр. 274—272), ею не использованы. Между тем терминология, примененная наместником Выборга, свидетельствует о том, что карелы — участники русско-прибалтийской торговли, не обособлялись еще от крестьянского сословия. Нам кажется, что наиболее подходящим для определения их социального положения является термин «торговые крестьяне».

²⁵ Источник не дает указания на непосредственное участие новгородских крестьян во внешней торговле. Но в них имеются сведения о поставках новгородскими крестьянами в 70-х годах XV в. пушнина в Новгород для последующей продажи ее немцам (сами продавать пушнину немцам крестьяне не могли, так как торговля с иностранцами купцами является в Новгороде монополией новгородского купечества). Так, в письме главы своего купечества Новгороду от 15 июня 1476 г. содержится требование о том, чтобы при пушнина, приносимая в Новгород крестьянами и детьми, продавался бы немцам и том же виде, в каком она поступала в Новгород («dat men van oddingen alle schonwerk, audege, klesin, luszwerk und allerley ledlerewerk, also dar de bare nide ghesie in jowe stad in dome ledlere plegen to lorigende, so plach men dat in dem ledlere den Dutschen wort verkoren», *Hausergeschichte 2te Abteilung*, Bd. VII, S. 585). На основе данных этого письма А. Л. Хорошкевич делает правильный вывод о том, что в последний трети XV в. крестьянское хозяйство оказалось способным собственными силами поставлять на рынок предметы своего промысла и значительном количестве, что было связано с развитием в Новгородской земле товарно-денежных отношений, в которые вступали и крестьяне (А. Л. Хорошкевич, Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв., стр. 71—72).